

ДЕТАЛЬ НА СЛУЖБЕ ИДЕИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ

НАШ ЗРИТЕЛЬ умеет ценить искусство актера, он охотнее награждает аплодисментами того, кто проявил высокое мастерство. Но только ли в аплодисментах выражается связь между актером и зрителем? Ведь даже в балете, немалым без виртуозной техники, которая поэтому особенно ценится публикой, бывают особые минуты: вот умирает Мария—Уланова в «Бахчисарайском фонтане». Бессильно подгибаются колени; рука скользит по колонне, но не падает безвольно, в ее слабом трепете чувствуется страстное стремление к жизни... Зрительный зал замер. Перед ним раскрывается сущность образа, и самая гибель Марии звучит утверждением жизни и свободы.

Казалось бы, незначительный штрих, но в нем светится ведущая идея всего произведения. Так у нас даже наиболее условное искусство балета стало искусством больших человеческих чувств и широких обобщений.

Громкая же сила воздействия драматического искусства порождена тем, что оно необычайно полно воспроизводит действительность, рисуя при этом закономерности, управляющие поступками людей, в их индивидуальном, как бы случайном проявлении.

В обыденной жизни мы подчас горько сожалеем, что обрели какую-нибудь слово. Нам кажется, что так легко было бы его не сказать; произнесенное слово нам кажется случайным. Художник точно знает, что и это «случайное» слово вызвано внутренней потребностью сказавшего, объясняется особенностями его характера и что если можно было бы повернуть время вспять и поставить человека в те же обстоятельства, он опять откликнулся бы на них той же «случайной» фразой или близкой к ней.

Без воспроизведения в искусстве этих текучих, изменчивых черт жизни невозможно создание индивидуального характера, невозможно, следовательно, и появление типа. Разумется, в художественное произведение не вносятся все случайности жизни; автор должен отобрать наиболее важные, те, которые наилучшим образом передают сущность изображаемого.

Искусство детализация очень важно для художника, это отмечаясь, сидя в зрительном зале, об этом вновь задумываешься, когда опустится занавес. И, к сожалению, убеждаешься, что не всегда актеры, а порой и режиссеры, понимают ценность каждой, даже самой маленькой, детали.

Мы в зрительном зале Калужского театра. Идет спектакль «Вратья Ершовы». В нем много удач, но есть и промахи. Отметим особо случай, когда маленькая деталь оказывается способной разрушить весь образ. Сцена свадьбы Капы и Андрея начата здесь с того, что Андрей преподносит Капе...детскую коляску! Известно по роману, что эта юная пара очень романтично воспринимала свой союз, мечтала строить личное счастье на возвышенных началах, появление же колясочки на сцене лишний раз образы смысла и разряда.

Зато оно вызвало оживление в зале! И сколько такж, никому не нужных внешних эффектов придумывается постановщиками с единственной целью помешать публике или сделать действие «более сценичным»!

Перенесемся в зал Московского театра сатиры и проварим по свежему впечатлению, что дает зрителям

газет шансонеток в «Памятнике себе». Ничего не дает, но заставляет задуматься: почему актрисы не в состоянии разоблачить развращенность буржуазного мира, не разоблачаться при этом сами?

Запомнилось замечание соседки по зрительному залу в антракте одного спектакля, где были использованы едва ли не все имеющиеся в арсенале постановщика средства «развращения» зрителей, включая акробатические трюки: «Бая скучно, — сказала она, — Хотелось бы чего-нибудь о жизни...».

О жизни! — вот подлинный девиз советского искусства. А верность жизни начинается с мелочей, с деталей, которые, соединяясь, создают образ, характер героя.

Когда в Художественном театре А. Степанова в роли королевы Елизаветы, величавая, торжественная, вдруг капризно топает ножкой, при упоминании о красоте Марии Стюарт, этот жест неотразим в своей точности. Ненависть и самовластная капризнице, размышления о том, какой должна быть жизнь и в чем подлинная красота человека, вызывает артистка своей игрой.

Советскому искусству присуща особая четкость, продуманность в подборе деталей. Это качество нашего искусства еще ярче выступает в сопоставлении с искусством буржуазным, где детали подчас разработаны весьма тонко, но поражают своей разобщенностью, произвольным отбором.

Москвичи видели английскую актрису Дороти Тьютин в роли Офелии. Она мастерски передавала все психологические нюансы, создала почти клинически точную картину безумия, и ее не смущало, что подобная детализация может угнетающе подействовать на зрителя и заставить его поморщиться при такой встрече с поэтичной героиней.

В английском фильме «Путь в высшее общество», показанном на Международном кинофестивале, детали психологически насыщены. Взять хотя бы один из последних эпизодов: пьяный Лэмpton гладит длинные волосы проститутки, и рука его останавливается так, будто они коротко острижены; зритель с ним вместе вспоминает короткую историю погубленной им возлюбленной. Ни слова не сказано, а внутреннее состояние передано. Но авторы фильма всячески сторонятся оценочных деталей. Только, пожалуй, Симона Синьоре стремится, чтобы зритель понял и полюбил ее героиню. А Лэмpton? Как к нему отнесись? Весь фильм посвящен ему, а каков же он по своим душевным качествам? Где же он искренен? Как оценить его стремление в богатые кварталы?

Такая нарочитая бесстрастность в изображении героев, отсутствие оценочных деталей тоже, конечно, рождает свою идею, правда, глубоко отличную от идеи, свойственной нашему искусству: не в человеческих силах, мол, внести в жизнь счастье.

Итак, ни одна мелочь в произведении искусства не может быть слишком мелкой. Каждая служит идее всего произведения, каждая помогает познанию жизни. Если актер всю душу, всю силу таланта отдает тому, чтобы передать народу свое знание жизни, свое стремление служить благородным идеалам нашего общества, он вырастает в глазах зрителей, и зритель, чем награждать его аплодисментами, отвечает ему высшей наградой — напряженной, взволнованной тишиной.

С. КАЛАЧЕВА